

с. 1.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

ВЫРОЖДЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

Русская Мысль. — Ариадна. Рассказ Чехова.
Вестник Европы. — Скачка съ пренатсгилли.
P. Bourget.

I.

Давно, еще въ началѣ истекающаго года, пришлось намъ говорить о романѣ Генриха Сенкевича „Семья Полашецкихъ“.

Никогда еще ни объ одномъ художественномъ произведеніи современной литературы не писали мы съ такимъ внутреннимъ удовольствіемъ.

Перечитывать этотъ романъ, дѣлать изъ него выписки доставляло намъ рѣдкое и высокое наслажденіе.

То же чувство испытывали, насколько намъ приходилось слышать, и другіе читатели романа польскаго автора.

Мы въ свое время указали въ чемъ заключается разгадка этого обаянія.

Въ романѣ Сенкевича мы находимъ положительный женскій типъ въ лицѣ Марина.

Эта чудная женщина, со своимъ благороднымъ взглядомъ на жизнь и супружество, какъ на исполненіе долга, увлекательно дѣйствуетъ на читателя.

Душой и сердцемъ отдыхаешь на этомъ частомъ, прекрасномъ женскомъ существѣ, и какъ пріятенъ этотъ отдыхъ послѣ созерцанія дѣлаго ряда женскихъ изображеній, одно другаго гадже, которыя только встрѣчаются въ произведеніяхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Невольно даже намъ дѣлалось тогда досадно на то, что единственный положительный женскій типъ выведенъ польскимъ писателемъ.

Неужели же у насъ въ Россіи нѣтъ хорошихъ женскихъ типовъ, неужели и въ жизни встрѣчаются только тѣ же психопатки, которыхъ рисуютъ намъ наши беллетристы?

Немного успокоились мы на рассказѣ г-жи Цуриковой, гдѣ было дано чудное изображеніе крестьянской женщины Варвары.

Но и только... затѣмъ снова цѣлая галерея нравственныхъ уроковъ, которыми мѣсто, казалось бы, скорѣе въ какомъ-нибудь *musée des horreurs*, чѣмъ на страницахъ литературнаго журнала.

Отсутствіе въ современной русской литературѣ положительныхъ женскихъ типовъ чѣмъ приписываемъ всецѣло не умѣнію авторовъ ихъ отыскать.

Что хорошія женщины есть—это несомнѣнно; еслибы ихъ не было, пришлось бы власть въ глубокое отчаяніе.

Женщина—какъ мать, женщина—какъ помощница мужу играетъ въ жизни слишкомъ большую роль.

Въ этой сферѣ, въ сферѣ семьи женщина главная пружина, главный рычагъ.

Если испорченъ этотъ рычагъ—машина перестаетъ функционировать, и семья распадается.

Безъ семьи же нѣтъ государства, нѣтъ обществѣнности, нѣтъ порядка, нѣтъ культуры.

Упалоу семья—это шагъ назадъ въ область первобытныхъ временъ.

Правда, теперь семья сильно упала, но не вездѣ и не слишкомъ уже.

Отчего же наши беллетристы не дадутъ намъ изображенія хорошей русской женщины—которая, повторяемъ, нѣтъ семьи немислима.

Или они не умѣютъ искать, или они не видятъ такихъ положительныхъ женскихъ типовъ?

Но тогда зачѣмъ же имъ данъ талантъ? Не зарывають ли они его въ землю?

Вѣдь задача литературы состоитъ въ изображеніи реальной сущности жизни, а не случайныхъ, поверхностныхъ ея явленій.

Жизнь же сама по себѣ не можетъ не быть прекрасною. Все худое—скверное,—все что является исключеніемъ изъ общаго правила, грѣхомъ противъ законовъ жизни, все это въ какомъ-бы полагавшемся количествѣ ни встрѣчалось, не можетъ быть сочтено за эту сущность жизни, которую долженъ изображать художникъ слова.

Эти исключенія должны играть въ его произведеніи эпизодическую роль. Дѣлать же ихъ основой произведенія значитъ давать ложное представленіе о сущности жизни...

Кстати, не мѣшаетъ здѣсь вспомнить и то, что подобное исключительное изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни можетъ быть крайне опаснымъ въ нравственномъ отношеніи. Недаромъ митрополитъ Филаретъ предостерегалъ отъ чрезмѣрнаго „зорѣвья“, какъ онъ выражался.

Умножая—говорилъ онъ,—описанія порока, притупляешь отвращеніе къ нему и заставляешь смотрѣть на него какъ на вещь обыкновенную.

Еще. Писатель, художникъ слова, изображая отрицательное явленіе жизни, не можетъ, не долженъ относиться къ нему равнодушно. Онъ долженъ не только изобразить его, но и осудить.

Какимъ образомъ? Конечно, не диалектическимъ разсужденіемъ, о томъ, что вотъ это-де дурно, грѣшно и т. д.

Разумѣется, нѣтъ. Отрицательныя явленія жизни должны осуждаться самою сущностью жизни, контрастомъ между прекраснымъ и дурнымъ.

Если же писатель сосредоточитъ все свое вниманіе на изображеніи отрицательныхъ сторонъ жизни, то какимъ же образомъ произойдетъ въ его произведеніи это осужденіе зла?

А если его не будетъ—этого осужденія—то и нравственная цѣль художественнаго произведенія не будетъ достигнута, и самое произведеніе не будетъ вполне художественнымъ, такъ какъ не будетъ отвѣчать полнотѣ реальной правды.

II.

Эти мысли пришли намъ въ голову по поводу послѣдняго рассказа А. Чехова „Ариадна“, напечатаннаго въ *Русской Мысли* (декабрь).

А. Чеховъ, бесспорно, одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, а между тѣмъ и онъ сталъ что-то слишкомъ увлекаться изображеніемъ отрицательныхъ явленій жизни, которыя, повторяемъ, въ художественномъ произведеніи могутъ играть лишь эпизодическую роль.

Теперь А. Чеховъ нарисовалъ намъ отвратительный женскій типъ въ лицѣ своей Ариадны и не менѣе отвратительный мужской типъ въ лицѣ героя разказа.

Ни одной свѣтлой точки, ни одного

намек на что-нибудь положительное въ разказѣ нѣтъ.

Что же это? Неужели это можно называть художественнымъ произведеніемъ, отвѣчающимъ полнотѣ реальной правды?

Прежде чѣмъ передавать содержаніе разказа А. Чехова, упомяну вскользь о разказѣ французскаго писателя П. Бурже „Скачка съ препятствіями“, переведенномъ въ послѣдней книжкѣ *Вѣстника Европы*.

Скачка съ препятствіями—это стремленіе четырехъ мужчинъ овладѣть серицемъ хорошенькой вдовушки, Люси де-Наксей.

Героиня разказа въ сущности хорошая женщина, но изломанная жизнью и глупымъ свѣтскимъ воспитаніемъ.

Въ ней есть задатки добра, но иногда эти задатки заглушались другимъ чувствомъ, и тогда „у Люси бывали часы, минуты, когда мысль пройти жизненный путь, какъ большую залу, подъ шумъ смѣха и музыки, съ оживленной толпой, казалось ей единственно благо-разумною.“

Вотъ одну изъ такихъ женщинъ, желающихъ сдѣлать изъ жизни непрерывный праздникъ, и изобразилъ А. Чеховъ въ своей Аріаднѣ.

Для нея нѣтъ ни долга, ни состраданія...

Цѣль ея жизни удовлетвореніе своего эгоизма, своихъ по большей части вѣдорныхъ или чувственныхъ желаній.

„Препятствій для нея не существовало. Положивъ, понаблюдавъ ей поваря лошадей, а денегъ нѣтъ,—ну, что же за бѣда? Можно продать что-нибудь, или заложить, а если приващивъ бо-жата, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать ихъ за безцѣнокъ.“

Герой разказа познакомился съ Аріадной въ деревнѣ, гдѣ та жила съ братомъ, и влюбился въ нее. Аріадна не прочь была поиграть съ нимъ въ любовь, но онъ былъ бѣденъ, а ей грезились блестящая шумная жизнь.

Подвернувшись негодой Лубковъ, раз-вращенный до мозга костей, увлекъ Аріадну, ухаживалъ съ ней за границю.

Шамохинъ—герой разказа—поѣхалъ за ними.

Скоро онъ узналъ что Аріадна любовница Лубкова и вернулся обратно, но не надолго.

Лубковъ бросилъ Аріадну. Та, конечно, соскучилась въ одиночествѣ, да и денегъ у ней не было, и помянула Шамохина.

Послѣдній, хотя и толковалъ все про идеальный взглядъ на женщинъ, полетѣлъ на зовъ, и сталъ съ Аріадной развѣзжать по заграничнымъ курортамъ, разоряя своего отца, бѣднаго старика, выславшаго сыну всю пенсію, да еще заложившаго и перезаложившаго свое имѣніе.

Шамохинъ, опять-таки, несмотря на свой будто бы идеальный взглядъ на женщину, когда они пріѣхали въ Россію, сталъ съ ужасомъ думать, что здѣсь, пожалуй, придется на ней жениться.

Но въ Аріадну же влюбленъ богатый князь Машуевъ, и, конечно, Аріадна охотно разстается со своимъ любовникомъ, чтобы выйти за богатаго князя.

Всю эту исторію герой разказа цѣл-далъ автору на пароходѣ за бутылкой вина.

Въ концѣ своего разказа Шамохинъ сдѣлалъ даже нѣсколько общихъ выво-довъ.

„Я страдалъ, разказывалъ онъ.—Ча-сто, глядя, какъ она (Аріадна) спитъ или ѣстъ, или старается придать сво-ему взгляду наивное выраженіе, я ду-малъ: для чего же дана ей Богомъ эта необыкновенная красота, грація, умъ? Неужели для того только, чтобы валать-ся въ постели, ѣсть и лгать, лгать безъ конца?“

„И въ этомъ обжорствѣ въ лукав-ствѣ, въ желаніи постоянно нравиться, я видалъ,—простите опять за ученое слово,—печальное явленіе атаканізма.“

„Предо мною была лукавая раба, ве-дущая подпольную борьбу со своимъ притѣснителемъ мужчиной,—это была женщина каменнаго періода или свай-ныхъ построекъ.“

Авторъ говоритъ, что нельзя по Аріаднѣ судить о всѣхъ женщинахъ, что есть не мало „женщинъ образованныхъ, вполне интеллигентныхъ, женщинъ, ко-торымъ мыслять и работаютъ несколько не хуже мужчинъ. Уже одно-де стрем-леніе женщинъ къ образованію и рав-ноправію половъ само по себѣ исклю-

чаетъ всякое предположеніе о регрес-сивномъ движеніи.“

Но Шамохина на эту удочку автору не пришлось поддѣть.

Тотъ хотя и съ сомнительными нрав-ственными правилами, но въ общемъ человекъ не глупый.

Онъ понимаетъ, что въ стремленіи къ образованію только „желаніе нравиться и больше ничего“. Нѣтъ, ему этого мало, ему для того, чтобы быть увѣрен-нымъ въ прогрессѣ, надо „чтобы дѣвоч-ки воспитывались и учились вѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другія были всегда вѣстѣ“, чтобы женщина вполне участвовала въ борьбѣ за существова-ніе, чтобы она „оливалась какъ муж-чина“.

Тогда, будетъ хорошо, тогда нечего будетъ опасаться возвращенія ко вре-менамъ свайныхъ построекъ...

Тутъ очевидная логическая несооб-разность—но такъ написано у А. Че-хова, и мы перелаемъ лишь слова вло-женныхъ имъ въ уста Шамохина.

Но въ самомъ дѣлѣ, какая женщина ближе къ эпохѣ свайныхъ построекъ, Аріадна-ли, думающая только о томъ какъ бы хорошо поѣсть, да весело время провести, или женщина стремившаяся къ уравненію правъ съ мужчинами, же-лающая во всемъ—даже въ одеждѣ—походить на нихъ?

Словомъ, гдѣ можно говорить о вы-рожденіи?

Если мы вспомнимъ, что въ перво-бытномъ человѣчествѣ женщина была во всемъ равноправна мужчине, т. е. она такъ же одивалась, какъ онъ, рабо-тала какъ онъ, сражалась, какъ онъ; и если далѣе, прослѣдимъ, какъ съ воз-никновеніемъ, развитіемъ и распро-страненіемъ культуры женщина об-особляется отъ мужской работы и отъ мужскаго образа жизни—то мы пой-мемъ гдѣ вырожденіе...

Но что же представляетъ собою по-явленіе такихъ женщинъ, какъ Аріадна?

Тутъ не вырожденіе, тутъ просто развращеніе воли.

А это зло всегда было и будетъ.

Съ нимъ можно бороться и довольно успѣшно.

Развращеніе—болѣзнь исцѣлимая.

Съ вырожденіемъ ничего не подѣ-лаешь, конечно...

А. СКОПЯНСКІИ.